

С.И. Кормилов

«И счастье я могу постигнуть на земле...»

<...>

Три стихотворения Лермонтова, 1829, 1837 и 1839 годов, называются «Молитва». Хронологически к стихотворению «Когда волнуется желтеющая нива...» примыкает начинающееся словами «Я, мать божия, ныне с молитвою...» (по содержанию — больше другое, «В минуту жизни трудную...»). Это случай для Лермонтова особый: лирический герой молится о счастье дорогой ему женщины, проявляя невнимание к себе, хотя он тоже нуждается в заступничестве:

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного...

Правда, элемент изначального лермонтовского самоутверждения звучит в словах «Но я вручить хочу...» Лермонтов, по словам А.П. Шан-Гирея, «не отличался особенно усердным выполнением религиозных обрядов, но не был ни атеистом, ни богохульником», — хотя, видно, славу имел и такую, судя по высказыванию Е.А. Арсеньевой в разговоре с одной знакомой: «Вот говорят про него, безбожник, безбожник, а я вам покажу... стихи, которые он мне вчера принес». То была последняя «Молитва» — «В минуту жизни трудную...» Вторую «Молитву» Лермонтов вряд ли показывал бабушке, ибо в ней имеется в виду, очевидно, Варвара Александровна Бахметева. Под названием «Молитва странника» она была послана сестре Вареньки в письме от 15 февраля 1838 года. Для поэта она, чистая душой, и в замужестве осталась «девой невинной», за которую он молит не обычно сурового творца, а другую замужнюю деву, мать божью. Герой не благодарит ее, перед ней не кается, а только хочет «вручить» «счастья достойную» «теплой заступнице мира холодного». Он делает это, как бы заведомо зная, что благодать не коснется его собственной «пустынной души».

Это не пушкинское «дай вам бог любимой быть другим». У «девы» мужа нет, Лермонтов не имел оснований верить в глубокую любовь Н.Ф. Бахметева. Герой просит для «девы» лишь «сопутников, полных внимания», простого душевного спокойствия и надежды на лучшее:

Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Молитва не была услышана, В.А. Бахметева пережила Лермонтова только на десять лет и умерла тридцатилетней.

Размер «Молитвы» — тот же 4-стопный дактиль с одними дактилическими окончаниями, что будет в «Тучах», но там ровный метр, а здесь ударения не раз падают не на схемные места, ритм сбивчив, сбивчива и обнимаемая им речь. Во многом из-за особенностей стиха очень часты инверсии, прежде всего определения после определяемого слова, приходящиеся на конец строки: *пустынную — невинную, безродного — холодного, достойную — покойную, прощальному — печальному, безгласную — прекрасную*, но и внутри строк слова переставлены так, что это затемняет смысл:

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Нормальный порядок слов: ты пошли лучшего ангела к печальному ложу воспрять прекрасную душу. Но никакой поэзии в этой норме нет. «Молитва» истинно поэтич-

---

на несмотря на преобладание грамматических рифм и такую банальную рифму, как *молитвою* — *битвою* (рифмование тех же слов не лишает поэтичности и стихотворение «Есть речи — значенье...»), столь велико и искренне выраженное поэтом чувство.

<...>